

Предчувствие тёмного горизонта...

Нир Блэкбёрн была не в себе. Уже долгие годы, говоря по правде, но сейчас она чувствовала это отчётливо как никогда.

Нестабильность в мыслях. Переменчивость эмоций, стягивающая сердце. Тревога. Горе. Но, наверно больше всего, страх.

Страх перед чем? Она уже не могла понять. Перед всем, должно быть. Страх всего, что только может быть.

Измаил, её муж на протяжении четырёх десятков лет, ушёл навсегда. Был убит Продавцом Смерти. Ибай, её дорогой сын, пропал. Был украден Монстром Востока.

Две главные нити, соединяющие её с этим миром, были разорваны.

Она знала, что в ней что-то сломалось. Знала уже долгое время. Просто теперь это стало очевидно как никогда.

Потому что, больше всех на свете, она заслуживала это.

Никогда раньше она не верила в бога воды. Теперь верила. И это было божественной карой.

За её обман.

Уже несколько дней она не покидала комнату. Остальные Блэкбёрны, добрые и чистые души, только и делали, что пытались помочь ей, предоставляли любую поддержку, на какую только можно было рассчитывать.

Но они не знали, что их доброта, их совершенство, были для неё больнее всего, что только она могла представить.

Если бы они узнали правду, то возненавидели бы её. Отвернулись от неё. Вся их доброта превратилась бы в ненависть – и они были бы правы.

После всего, что она натворила...

Теперь, не только её семья разбита дальше некуда, но и многих других затянуло в вихрь безумия, который она начала годы назад.

Своей слабостью.

Её любовь к Измаилу достигла таких вершин, о каких она никогда и мечтать не могла, выросла в разы со времени их свадьбы. Она стала так сильна, что жизнь без него была ужаснее всего, что только можно представить. Она могла потерять что угодно, но только не его. Только не после всего, что он сделал. Она бы с радостью забрала его смерть себе, представься ей такой шанс.

Но было время, когда она ненавидела его.

То была вершина глупости молодости. Её можно было понять, наверное, если справедливо оценить эмоции, которые мотивировали те необдуманные и явно неразумные поступки, но она не смела даровать себе даже намёка на невинность.

В своей ярости, в своём разочаровании, в своей жажде стать другим человеком, она не была верна своему мужу.

И результатом этого стал Ибай. Отклонение. Существо достойное смерти с момента своего рождения.

По правде говоря, после того первого инцидента с мёртвым котом, стало ясно, что предупреждение Парсона Майлса было правдой, и она действительно могла убить своё единственное дитя, если бы не Измаил – если бы он не был величайшим человеком в её мире.

И только подумать, что это сработало.

Измаил смог изменить сущность Ибая. Отклонения.

Она никоим образом не относила это достижение к себе. Она без всяких сомнений знала, что оно целиком и полностью принадлежит её мужу. Такая жалкая личность как она не могла принести никакой пользы. Было более чем очевидно, от кого в Ибае зародилась доброта, даже если в нём не было ни капли крови Измаила.

От этих мыслей она снова захотела разрыдаться. И могла бы позволить себе, если бы была одна, но её жнец, Сенция, парила рядом. И разговаривала с ней. Как обычно.

Но Нир не слушала. Жнец могла бесконечно сыпать моральными указателями и ободрением, вне зависимости от реакции.

Хотя Сенция тоже знала правду. Уж она точно должна была понимать, с насколько бесполезным человеческим существом разговаривает, но Сенция не понимала. Даже её собственный жнец слишком хороша для неё, Нир знала.

Насколько жесток Лютве. Это из-за него она так полюбила свою семью, после того как предала их во всех отношениях, после того как столько времени считала себя выше них.

Когда она впервые встретила Измаила, этого не впечатляющего аристократа из захолустья Люцо, то посчитала его щенком притворяющимся мужчиной. Таким невинным и скромным. Без проблеска ауры величия других мужчин Мокроземья.

Она, с другой стороны, была полна страсти и амбиций. С самого начала она чувствовала, что сможет вертеть этим глупым, неловким мужчиной вокруг пальца, что он будет выполнять любую её прихоть.

И оказалась права.

Это было так просто. Пара дразнящих взглядов тут. Пара кокетливых слов там. Измаил не знал что делать. Очевидно у него не было опыта с женщинами. Она и не заметила, в какой момент он был готов на всё, лишь бы сделать её довольной.

Остальная семья, наверное, была бы настороже, не будь она полностью разорена. Они были в горе, каждый из них. В то время она не знала, что именно с ними произошло, слышала только, что многие были убиты во время какого-то ужасного конфликта.

Она могла узнать. Должна была. Но не узнала.

Ей было наплевать. Оглядываясь назад, она хотела думать, что повела бы себя иначе, будь ей открыта вся правда, что не попыталась бы воспользоваться Измаилом, но нельзя выдавать желаемое за действительное, как бы ни хотелось.

Тогда она была такой эгоисткой. Ей было плевать на чужие проблемы, если только она не могла получить из них какой-нибудь выгоды.

Измаил был просто ступенькой, на которую она с радостью наступила, чтобы подняться выше. Ничего больше.

Никогда она не задумывалась над тем, что сама находится в том же положении.

Её таинственный благодетель был с ней слишком долго. Она никогда не думала о том, зачем кому-то посылать ей деньги и указания. Она задавалась этим вопросом временами, конечно, но тогда была в такой сильной нужде, в постоянной финансовой пропасти, что была только рада принять эту помощь, от кого бы она ни шла.

Когда этот день наконец-то наступил, когда её благодетель наконец-то раскрыл свою настоящую личность, шок практически убил её на месте.

Потому что это произошло в два шага.

Когда он впервые показал себя ей, она подумала, что теперь всё ясно, что этот человек по-настоящему любил и заботился о ней – а что важнее всего, был достоин её. Очевидно, молодую Нир никогда бы не устроил этот щенок Измаил. Нет. Этот мужчина, «Бас», как он себя тогда назвал, был её настоящей любовью. И вместе, они могли завоевать мир.

Почему ей так повезло? Почему он выбрал её, из всех девушек мира? Что ж, потому что она была настолько потрясающей, конечно. Как можно было подумать иначе?

Ох, он сделал её не в меру разросшееся эго ещё более колоссальным. Заставил её думать, что она настолько важна этому миру, что её мнение о себе взлетело до небес. Заставил её думать, что она, никогда ничего не значившая девчонка, каким-то образом выше всех лордов и леди Саира.

Оглядываясь на это сейчас, она хотела смеяться. Должно быть, тогда она была безумна. Сейчас это казалось единственным разумным объяснением.

Но очарование того мужчины... из всех людей, как ему могло достаться такое очарование? Она тогда гордилась тем, что видела людей насквозь, что крутила ими как хотела. Так почему же она не поняла такую очевидную ложь? Просто потому что не знала его настоящего имени в то время? Неужели она правда была так слепа?

Может быть, если бы она присоединилась к Авангарду раньше, то могла бы увидеть его лицо на розыскном плакате. Или услышать его описание где-нибудь. Хоть что-то.

Теперь-то было ясно, что именно поэтому он и просил её откладывать вступление. И поэтому, наверное, он показал себя и назвался Басом. Подожди он ещё немного и уже не успел бы.

Это так абсурдно. Как могла она влюбиться в такого человека как Безумный Демон?

Должно быть, она была не менее безумна, раз не заметила в нём ничего странного. Даже спустя все эти годы, ту ночь она помнила как вчера. Он был таким нежным. Таким понимающим. Таким готовым слушать и восхищаться ею, он был самым чудесным человеком, что встречались ей в жизни.

Он был всем, чего она желала видеть в мужчине, и даже больше. Тайное свидание в лесу Стекката сделало тот день одним из лучших в её жизни.

А теперь он был худшим. Её вечным кошмаром.

В день, когда она увидела лицо Моргунова, среди множества других плакатов Авангарда, её мир начал разваливаться. Как если бы из под неё вырвали землю.

Неудивительно, что после этого «Бас» никогда больше не связывался с ней, но по какой-то причине она, тупая девчонка в то время, этого тоже не ожидала.

А потом она обнаружила свою беременность.

Измаил был так счастлив. Когда она увидела его таким, её сердце сдавило. До того момента она даже не думала, что это возможно. Как могла она предать такого идеального мужчину?

В то время она почти потеряла рассудок. Если бы не Сенция, то потеряла бы точно. Те события сейчас были как в тумане, но она не сомневалась, что её спасла именно Сенция. Единственная, благодаря кому ей удалось пройти через беременность.

И Ибай. Сладкий, дорогой Ибай.

Она так долго считала его монстром, но даже он оказался лучше неё. Гораздо, гораздо лучше.

Она не думала, что можно одновременно так гордиться и так грустить.

Если и была надежда во всём этом, то только он. Только Ибай.

Нир уже представляла, что существование Ибая было целью Моргунова с самого начала. Он хотел создать отклонение. Самое первое, похоже, но если Безумный Демон надеялся на такого же безумного монстра, как и он сам, то сильно ошибся в своих расчётах.

Нир не понимала, почему Моргунов не забрал его. Она боялась этого с самого первого дня его рождения. Но какой бы ни была причина, она благодарила за неё Лютве. Она молилась только на то, чтобы Ибай оставался в безопасности. Умоляла Лютве об этом.

Если осталось хоть что-то хорошее в мире, пускай так и будет.

Но.

В этом ведь и вопрос, верно?

Осталось хоть что-то хорошее в мире? Для неё точно нет. Это она уже готова принять.

Будущего у неё больше нет. Но что насчёт всех остальных? Осталось что-то хорошее хотя бы для них?

Она хотела думать, что осталось. В те несколько раз, что она покидала свою комнату и видела снующих всюду рейнлордов в этой подземной крепости, в этом Уоррене, она видела свет надежды в их глазах. В их движениях. В их намерениях.

Они видели его. Видели добро в мире. Где-то.

Может они ошибались? Может обманывали себя, и будут обманывать, пока неизбежная правда не заставит их изменить взгляд на мир?

Если говорить честно, она не знала.

Да и какая теперь разница? Всё потеряло свой смысл.

Но.

Но, возможно...

Возможно, если всё бессмысленно, то... может, она сделает то, чего не делала никогда раньше.

Может она просто расскажет кому-нибудь правду. Наверное, она могла бы просто... признаться.

Неужели всё так просто? Все эти годы сама мысль о подобном казалась настолько невозможной...

Но сейчас...?

Может, это не имеет значения. Может, так она ничего не добьётся.

Сидя в углу своей комнаты, размышляя над этим снова и снова, Нир начала раскачиваться взад-вперёд.

Да.

Да, наверное, рассказать кому-нибудь правду будет правильно. Так ей станет легче? Скорее всего нет. Но это шаг вперёд, верно? Шаг куда-нибудь, по крайней мере? Как противовес идее прозябать в этом тёмном тумане вечно? А если ничто больше не имеет значения, то чего ей

бояться? Что все будут её избегать? Что все будут её ненавидеть?

Она этого и хотела. Она заслуживала это. Уже слишком долго её грехи остаются неизвестными, ненаказанными.

Может Сенция даже отпустит её душу.

Никогда раньше она не думала о том, чтобы попросить её об этом. Почему нет? Наверное, это тоже был её эгоизм. Её слишком заботила собственная жизнь. Но почему? Разве ей осталось ради чего жить?

Все эти годы она не могла понять слуг, которые просят своих жнецов отпустить их души. А судя по тому как часто она их слышала, это происходило повсеместно. Но как такое может быть? Не понимала она раньше, но теперь знала. Знала, или, скорее, начинала понимать. Наверное, будет преувеличением сказать, что она способна понять хоть что-то или кого-то, но ей казалось, что она испытала озарение, каких не было у неё никогда раньше.

Безмолвное богоявление.

Все эти слуги, которые просили отпустить их – они просто понимали то, что поняла она.

В будущем есть только тьма.

В нём нет надежды.

Оглядываясь назад, теперь казалось каким-то абсурдным то, что у неё вообще могла быть надежда. Надежда на что? На что она надеялась?

А значит, ей осталось сделать только одно.

Но кому она должна рассказать?

Что ж, наверное всем. Но кто первым должен услышать эти ужасы? Кто подходит для этого лучше всего?

Вот и дилемма.

Лучший, кому можно рассказать. Или худший. Сейчас эти два концепта были едины в её понимании.

Ну, первой на ум пришла Сенция, конечно. Она же её жнец, будет разумно рассказать всё

сперва ей.

Но что если она просто отпустит её душу в тот же момент? Не будет ли это слишком быстрым окончанием мучений? Хотя вряд ли Сенция так поступит. Она слишком добрая и понимающая.

И всё же, Нир не хотела рисковать. Не хотела, чтобы её преступления вновь оказались безнаказанными. Сенция может даже попытаться успокоить её, по какой-то причине, а этого Нир сейчас желала меньше всего.

Нет, она должна выбрать кого-то, кто возненавидит её. По-настоящему. Кого-то, кто сможет проявить свой гнев, сможет отомстить ей.

И чем больше она об этом думала, тем лучше понимала, что нет кандидата лучше лорда Юсеффа Элроя.

Из всех людей, его гнев горит ярче всего. Он был человеком мести. И он не закончит с ней быстро, так? Он точно сможет заставить её заплатить за свои грехи.

А, но его, наверное, не будет волновать ни Моргунов, ни Ибай, да? В сравнении с другими, по крайней мере. Нет, его настоящий гнев и ненависть смотрят в другом направлении.

Да. Он ведь не знает, какую роль сыграл дом Блэкбёрн в резне Элроев все эти годы назад. То, конечно, была работа Избавления, но ведь Блэкбёрны впустили их в страну. По глупости, наверное, но когда глупость была оправданием преступлений?

Она кивнула сама себе. Да. Она расскажет ему об этом.

Наконец-то она увидела перед собой путь.

Кто-то говорил с ней. А, точно. Сенция всё ещё здесь, да?

— «...важно посещать такие вещи», — говорила она. — «Остальная семья будет рада тебя видеть. Им сейчас не помешает моральная поддержка.»

Моральная поддержка? О чём она говорит?

А, точно, сегодня же какое-то семейное собрание. Что-то связанное с... днём рождения?

Да, кому-то из детей сегодня исполнилось тринадцать, семья празднует.

Как мило.

Ей бы хотелось присоединиться к празднику, не будь она уверена, что просто испортит всем настроение. Это же праздник, её присутствие только сделает всем хуже.

Но если она скажет Сенции правду, то наверняка только разозлит её. Так что Нир решила полностью проигнорировать вопрос.

— Я бы хотела поговорить с Юсеффом Элрой, — сказала Нир.

Жнец просто уставилась на неё.

В её глазах Сенция выглядела как тусклый шар с неясными чертами лица на эфирном, бесшумно мерцающем огне. Что-то вроде угасающей звезды.

— Что? — спросила Нир.

— «За несколько дней ты не сказала мне ни слова. Не хотела говорить с психологом. Не разговаривала ни с кем. А теперь ты говоришь это? Из всего, что могла сказать?»

Почему она злится? Нир не понимала. — Я бы хотела поговорить с Юсеффом Элрой, — повторила она.

— «Нет.»

Нир моргнула. — Почему нет? Ты даже не знаешь причину.

— «Мне и не надо. Ответ - нет».

Сенция подлетела ближе.

— Я бы хотела поговорить с ним, — было единственным, что смогла придумать Нир. Она не ожидала, что Сенция откажет ей. Жнец практически никогда не отказывала ей за всё время, что они знали друг друга, а это простиралось к тем временам, когда случилась её помолвка с Измаилом.

— «Видит Лютве, я не дам тебе ни шанса поговорить с этим мужчиной. Не сейчас.»

— Почему нет?

— «Не играй в дурочку», — прозвучал голос жнеца с эхом, более холодный, чем когда-либо. — «А, наверное сейчас тебе и не нужно “играть”, так?»

Нир попыталась понять. Ей не удалось. — В каком смысле?

— «Забудь. Ты сейчас не в состоянии разговаривать с кем бы то ни было помимо семьи. Не в ближайшее время, по крайней мере. Как только твоё горе ослабнет, а рассудок придёт в норму, мы можем вернуться к этому разговору.»

Нир не знала что сказать. Остаётся только семья, значит?

Хмм.

Ну, наверное Мельчор тогда подойдёт. Хмм, теперь, когда она подумала об этом, он может подойти даже лучше. Мельчор — человек мстивший за дом Блэкбёрн много лет назад. И отомстивший.

Это случилось после событий известных теперь как Отсеивание Деньи.

Нир узнала об этом ужасном инциденте задолго после происшествия, но насколько поняла, то была тайная операция Авангарда, которая прошла ужасно. Авангардцев предали, их местоположение было раскрыто, а Избавление обратило неожиданное нападение на себя в резню авангардцев.

Временами Нир думала, не мог ли быть последовавший террор Тёмной Волны причиной, из-за которой Моргунов использовал её как инструмент против дома Блэкбёрн, но если связь и была, ей её найти не удалось. Если бы Безумный Демон хотел уничтожить Блэкбёрнов, то нашёл бы какой-нибудь более прямой подход, чем подобные махинации, да?

Что ж, едва ли это имело значение теперь.

— В таком случае, — сказала Нир, — я бы хотела поговорить с Мельчором.

Сенция опять уставилась на неё.

Нир ждала, переминаясь на своём высоком стуле. Её жнец сегодня была какой-то не такой, и Нир это казалось пугающим.

— «Зачем тебе разговаривать с Мельчором?» — спросила она наконец.

Нужно солгать? Когда-то она была способным лжецом, но сейчас, с этим комом

неуверенности перекатывающимся в ней, было неясно, удастся ли наскрести хоть немного хитрости. — Какая разница? Он ведь не откажет мне в разговоре? Я желаю увидеть его. Услышать его голос.

— «Нет», — сказала Сенция, и её тон не предусматривал возражений.

Нир хотела спросить снова, но теперь боялась. О чём думала Сенция? Как много она на самом деле знала?

— «Ты выглядишь озадаченной», — сказала она. — «Ну естественно. Тупая девчонка. Даже спустя всё это время, ты до сих пор не видишь никого, кроме себя, кроме своей боли, кроме своей тревоги. Поверить не могу, что я когда-то думала, будто ты изменишься.»

Глаза Нир широко раскрылись. Она чувствовала как слёзы снова наворачиваются на глазах. — О чём ты говоришь? Как ты можешь-?

— «О, заткни свою пасть, лживая шлюха. Я так больше не могу. Сколько можно поддерживать тебя, несмотря ни на что? Сколько можно пытаться увидеть в тебе хоть что-то хорошее? Там ведь ничего не осталось, да? Ты сейчас не больше чем пустая оболочка, верно я говорю?»

У Нир не было слов. Это точно тот жнец, которого она знает почти всю свою жизнь?

— «Если бы только я узнала правду раньше, то сразу бы рассказала остальным и тебя бы выбросили как собаку помойную. Может быть Измаил нашёл бы женщину, которая была его достойна. Но нет. По какой-то причине Люте не позволил справедливости свершиться, а теперь... Измаил, этот чудесный мальчик, мёртв. А я должна продолжать терпеть тебя.»

Нир оставалось только слушать. Жнец ещё не закончила.

— «Серьёзно, чему ты так удивляешься?» — сказала Сенция, всё ещё с эхом приватности. — «Скажи мне. Ты помнишь первый раз, когда мы вошли в состояние пан-мок? Мм?»

Нир смогла покачать головой.

— «Нет. А должна. Неужели забыла, как оно чуть не убило нас обоих? Ты хоть понимаешь, в чём было дело? Нет? Ну естественно не понимаешь», — вздохнула Сенция. — «Вот тогда я и узнала, что ты натворила. Когда наши разумы слились воедино. Я не могла поверить обнаруженному. Я не хотела верить. Шок был настолько велик, что я чуть не потеряла контроль над гиперсостоянием, поэтому оно нас чуть не убило.» — Жнец усмехнулась: — «Наверное, лучше было умереть.»

Нир дрожала. Она больше не могла смотреть на своего жнеца.

— «Я хочу, чтобы ты подумала, какой тогда передо мной возник выбор, Нир. Реально, подумай над этим. Ибай уже был подростком. Мельчор вернулся к нам. Стал старым собой, которого мы уже заждались. Дом Блэкбёрн был более сплочён, чем когда-либо на протяжении поколений. А это знание могло разорвать всю семью в одно мгновение. Ты можешь хотя бы представить, что тогда было у меня на уме? Мм?»

Нир сжала голову обеими руками, словно пытаюсь защититься от слов Сенции, но от них было не сбежать.

— «Наивная я надеялась, что ещё есть надежда», — продолжала Сенция, — «потому что ты реально полюбила Измаила и Ибая, и всех остальных тоже. Это я в тебе тоже увидела. Увидела, но сглупила. Надо было сразу догадаться, что долго это не продержится.»

Нир задала единственный вопрос, который пришёл ей на ум: — «Почему ты не сказала мне об этом раньше?»

— «Зачем? Чтобы пристыдить тебя? И чего бы я этим добилась?»

— «Я... я не...»

— «Я всегда старалась быть выше этого. Но, чёрт, сейчас я чувствую себя лучше, серьёзно. Знаешь, наверное, ты права. Нужно было гораздо раньше это сделать.»

Нир просто закрыла глаза и повесила голову. Спорить было бесполезно, чувствовала она. Это было заслуженно. Это, и гораздо больше.

— «Знаешь, я никогда не верила в наказания», — сказала Сенция. — «Я всегда думала, что правильнее перевоспитывать, а не наказывать. Желание перевоспитать исходит из сочувствия. Это добрее. В то время как желание наказать, как думаю я, исходит из гнева. Это более жестоко. Мне всегда казалось, что наказывать желают лишь бесчувственные люди.»

— «Но, благодаря тебе, теперь я вижу, что ошибалась. Я была слишком уверена в своём нравственном превосходстве. Думаю, моё непонимание этого могло только ухудшить положение. Если бы я раньше решила наказать тебя, заставить понести кару Лютве, то, может быть, ещё было бы место исправлению. Как знать.»

— «Теперь, конечно, для этого уже слишком поздно. Ты пала слишком низко. Или я. Тебя я ненавижу так, как ни ненавидела никого другого за свои две тысячи лет. А это, должна сказать, достижение.»

Нир не шевелилась. — «Тогда просто отпусти меня...»

— «Ага. Я думаю над этим. Ты и сама того хочешь, так?»

Она бросила на Сенцию болезненный взгляд: — «Да...»

— «А исправить свои грехи не хочешь?»

Разум Нир зацепился за эти слова. Когда-то её уже посещала эта мысль, на краткое мгновение, но искупление грехов казалось настолько неисполнимой мечтой, что она не стала и думать над этим: — «Как мне это сделать?»

— «Попробуй помочь мне привести дом Блэкбёрн в новую, золотую эру.»

Нир немного съёжилась.

— «Можешь думать, что твоя жизнь кончена», — сказала Сенция, приближаясь ближе, — «что больше нет смысла жить, нет будущего к которому можно стремиться. Ты даже можешь быть права. Для себя. Но семья? Дом Блэкбёрн? Мы ещё далеки от поражения.»

Могла она быть права? Нир было трудно это представить, но у жнеца две тысячи опыта и знаний.

— «Тебе наверняка будет трудно поверить мне в таком состоянии», — продолжала Сенция, — «но позволь напомнить, что в прошлом эта семья сталкивалась и с большими ужасами. Ты знаешь нашу историю. Нашу борьбу. Но если ты готова упасть и умереть на месте, то твои родные – те, кто всё ещё считают тебя своей семьёй – без всяких сомнений способны увидеть восход нового, ещё более золотого времени, чем когда-либо.»

— «Но если ты хочешь увидеть это будущее вместе с ними, то сперва тебя следует наказать. И потому как только я знаю глубину твоих преступлений, разбираться с тобой предстоит мне», — закончила жнец, приземлившись ей на руку.

Нир не сопротивлялась. Она могла думать только об одном: — «Если ты не собираешься отпускать мою душу, то что?»

— «Я заставлю тебя бросить саму себя.»

— «В-в каком смысле?»

— «Любые мысли о собственном состоянии, любые твои желания – ты должна будешь отбросить их. Снаружи ты будешь притворяться, будто ничего не изменилось, будто ты та же Нир, которую знает и о которой заботится вся семья. Но между нами двумя, ты будешь подчиняться моей воле. Полностью.»

И снова Нир не нашлась что сказать.

— «Ты больше не моя слуга. Теперь ты моя рабыня.»

<http://tl.rulate.ru/book/1701/732190>